

Ливицкая Оксана Викторовна

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ЭПИТЕТНЫХ ВОЗВРАЩЕНИЙ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Т. С. ЭЛИОТА

Статья посвящена изучению эпитетных возвращений, которые являются необходимыми составляющими в раскрытии темы смерти в поэтических произведениях Т. Элиота. Основное внимание акцентируется на эпитетах "dead", "death", "dying", которые не только характеризуют те или иные понятия, но и помогают установить смысловые связи между ними за счет принципа возвращения. В результате, повторы эпитетов расширяют границы идейно-художественного смысла произведений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 112-116. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

6. Печорские былины / записал Н. Ончуков. СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. 424 с.
7. Праведников С. П. Территориальная дифференциация языка русского фольклора: автореф. дисс. ... д. филол. н. Курск, 2011. 42 с.
8. Радунский В. Г. Изба – дом – дворец – терем // Русская речь. 1989. № 1. С. 124-130.
9. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Russian epic poetry of Siberia and the Far East. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 497 с.
10. Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 578 с.
11. Словарь русских народных говоров. М. – Л. (СПб.), 1965-2011. Вып. 1-44.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN EPIC TEXT VOCABULARY (BY THE MATERIAL OF THE GROUP "YARD, NAME OF STRUCTURES AND PARTS OF THE YARD")

Kuz'mina Mariya Yur'evna
Kursk State University
Ma-RUS-ja@yandex.ru

The territorial differentiation of folklore is one of the main problems of modern linguistic study of folklore. In the article the comparative analysis of the lexical-thematic group "yard, name of structures and parts of the yard" functioning in the texts of bylinas recorded in Siberia, in the White Sea and in the Pechora River is presented. During the analysis, which hasn't been conducted on the chosen material previously, the author reveals the territorial specificity of Russian epic texts at the level of stylistic, syntagmatic and semantic peculiarities.

Key words and phrases: the language of bylina (Russian heroic epic); lexical-thematic group "yard, name of structures and parts of the yard"; territorial differentiation.

УДК 8; 821.111

Филологические науки

Статья посвящена изучению эпитетных возвращений, которые являются необходимыми составляющими в раскрытии темы смерти в поэтических произведениях Т. Элиота. Основное внимание акцентируется на эпитетах «dead», «death», «dying», которые не только характеризуют те или иные понятия, но и помогают установить смысловые связи между ними за счет принципа возвращения. В результате, повторы эпитетов расширяют границы идейно-художественного смысла произведений.

Ключевые слова и фразы: аллитерация; эпитетная структура; эпитетные возвращения; поэзия; Т. Элиот.

Ливицкая Оксана Викторовна

Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко, Украина
Oksanasbox@mail.ru

**ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ЭПИТЕТНЫХ ВОЗВРАЩЕНИЙ
В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Т. С. ЭЛИОТА[©]**

Т. С. Элиот занимает особое место в англоязычной литературе. Огромное внимание привлекают его поэтические произведения, благодаря которым Т. С. Элиот стал известен всему миру. В 1948 году поэту была присуждена нобелевская премия. «Главная причина до сих пор неослабевающего интереса к Т. С. Элиоту в том, что он великий обновитель английской поэзии, стилистический революционер» [4, с. 86]. В своем творчестве Т. С. Элиот не раз обращался к теме смерти. Многие произведения поэта поднимают эту проблему. Безусловно, для крупнейшего метафизического поэта эта тема не может быть чуждой. Как каждый человек, Т. С. Элиот пытается понять и осмыслить окружающий мир, постичь тайну бессмертия. Эволюция мировоззрения, восприятия жизни и смерти отражалась на протяжении всего творческого пути поэта.

Стоит отметить, что тема смерти в поэзии Т. С. Элиота изучалась такими русскими исследователями как А. Аствацатуров [1], М. Бент [2]. Так, А. Аствацатуров рассмотрел проблему смерти и поиска возможностей ее преодоления в трех срезках: как важнейший аспект историко-культурной стороны поэтической теории Т. С. Элиота, как условие создания поэтической формы и как одну из важнейших тем его ранней поэзии. М. Бент выделяет основные метафоры и определяет их характер в раскрытии темы смерти и бессмертия в сборнике «Стихотворения» Т. С. Элиота. Другие исследователи, в частности, Х. Кеннер [13], Д. Крег [9], косвенно касались этой тематики. Отсюда следует, что раскрытие «смерти» в поэзии Т. С. Элиота требует изучения и дальнейшего исследования. Заметим, что языковые особенности поэтической речи Т. С. Элиота при этом частично рассматриваются или вовсе выпускаются из виду. Поэтому литературоведческое исследование в этом направлении является крайне необходимым, поскольку позволит определить специфику организации и функционирования «смерти» в поэзии Т. С. Элиота.

Из множества элементов, обеспечивающих поэтическое воплощение идеи смерти, целесообразно выделить эпитет. Ввиду того, что «история эпитета есть история поэтического стиля в сокращенном издании» [3, с. 59], изучение эпитетных структур является важным в определении характерных черт «смерти» в поэзии Т. С. Элиота. Напомним, что эпитетная структура – «достаточно жесткое архитектурное и семантическое образование, которое возникает как результат сочетания-слияния определения и определяемого» [5, с. 13]. В ходе исследования были обнаружены 62 эпитетные структуры, которые отображают основной признак, считающийся существенным в характеристике темы смерти. Речь идет об эпитете «*мертвый*», который в поэзии Т. С. Элиота выражается такими определениями как *dead*, *death*, *dying*. Эпитет *dead* повторяется в текстовом пространстве поэзий Т. С. Элиота 33 раза, *death* – 18, *dying* – 11. В языке английской художественной литературы наиболее распространенной является модель, в которой эпитет выражен прилагательным. Как видим, большое количество определений в эпитетных структурах представлено в виде прилагательного *dead*, что свидетельствует о соблюдении поэтом этой традиции.

Следует отметить, что повтор одних и тех же эпитетов (*dead*, *death*, *dying*) способствует раскрытию темы смерти в поэтических произведениях Т. С. Элиота за счет принципа возвращения. По Ю. Лотману, это универсальный организующий принцип поэтического произведения: «Художественная конструкция строится как протяженная в пространстве – она требует постоянного возврата к, казалось бы, уже выполненному информационную роль тексту, сопоставления его с дальнейшим текстом. В процессе такого сопоставления старый текст раскрывается по-новому, выявляя скрытое прежде семантическое содержание» [6, с. 39]. Поэтому исследование эпитетных возвращений является достаточно важным для понимания поэзии Т. Элиота и, безусловно, крайне актуальным.

Впервые эпитет «*dead*» встречается в поэме «Бесплодная земля» (1922), в которой тема смерти становится ведущей, достигает особого развития. В этой поэме прослеживаются представления Т. С. Элиота о деградации современного общества, о его мертвенной сущности. Не зря А. Мортон пишет об авторе «Бесплодной земли»: «Мы чувствовали – наконец-то пришел поэт, разделявший нашу тревогу об условиях существования в нынешнем мире, не желавший изображать дело так, что все прекрасно, не желавший бегать от правды в какой-нибудь самодельный игрушечный мир» [7, с. 219]. Существование героя «Бесплодной земли» бессознательно, автоматически, а значит, лишено всякого смысла. Пожалуй, такого рода бытие связано не с миром жизни, а с миром смерти. Уже с первых строк поэмы Т. С. Элиота вводится тема смерти при помощи функционирования эпитета *dead*:

APRIL is the *cruelest* month, breeding
Lilacs out of the *dead* land, mixing
Memory and desire, stirring
Dull roots with *spring* rain [10, p. 61]. /
Апрель – *жесточайший* месяц, гонит
Сирень из *мертвой* земли, тянет
Память к желанью, женит
Дряблые корни с *весенним* дождем.

Безусловно, *the dead land* (*мертвая* земля) свидетельствует о бесплодии, опустошении земли. Апрель выступает «*жесточайшим* месяцем» (*the cruelest* month), который вынуждает людей вернуться к жизни на бесплодной земле. Но жителей этой земли все и так устраивает, им милее ее бесплодие. Парадоксальным оказывается то, что именно в этих строках содержится неукротимая энергия к порождению, которое отсутствует в мире «бесплодной земли» и на поиски которого устремлен вектор развития поэмы. Обретение целостности и полноты жизни, восстановление связи времен, возвращение земле ее животворящей сути – все эти задачи как героя, так и автора. Очевидно, в основе поисков лежало стремление восстановления утраченной духовной традиции, универсального духовного начала. Эпитетная структура *the dead land* (*мертвая* земля) перекликается с названием самой поэмы «The Waste Land» («Бесплодная земля»), подтверждая значимость ее функционирования. Итак, можно говорить о синонимичном сближении эпитетных структур *the dead land* (*мертвая* земля) и *the waste land* (*бесплодная* земля), при помощи которых происходит воплощение образа земли в текстовом пространстве поэмы Т. С. Элиота. *The dead land* (*мертвая* земля) становится необходимым условием бытия. Акцентируются тщета и бесплодность всего сущего. Это не просто *the dead land* (*мертвая* земля), а земля, которая неизбежно разрушается и не способна выполнять собственного главного предназначения – плодоносить. Речь идет о «смерти-в-жизни» [1, с. 38]. И если изъять эпитет «*dead*» из текста поэмы, то произойдут существенные изменения в общем семантическом поле. Земля, с помощью которой изображаются умирание и возрождение, иллюстрирует главный замысел произведения. Естественно, в материальном мире все изменяется, происходит непрерывная смена одних форм другими. Но это ни к чему не приводит. Смерть перестает быть освобождающей силой в контексте поэмы. Помимо эпитетной структуры *the dead land* (*мертвая* земля), которая становится ключевой в поэме «Бесплодная земля», Т. С. Элиот вводит в этой строфе и другие эпитетные структуры — *the cruelest* month (*жесточайший* месяц), *Dull* roots (*дряблые* корни), которые усугубляют мрачную атмосферу в этом поэтическом произведении.

Следует отметить, что возвращение к эпитетной структуре *the dead land* наблюдается неоднократно в других поэтических произведениях Т. С. Элиота. Так, в поэме «Полые люди» (1925) образ земли вновь характеризуется бесплодием и смертью, ранее упомянутыми в «Бесплодной земле». Рассмотрим такие поэтические строки поэмы «Полые люди»:

This is *the dead land*
 This is *cactus land*
 Here *the stone images*
 Are raised, here they receive
The supplication of a dead man's hand
 Under *the twinkle of a fading star* [10, p. 84]. /
Мертвая это земля
Кактусовая земля
 Здесь **каменные** идола
 Поднимаются, здесь они видят
 Мольбу от **человеческих мертвых** рук
 В мерцании звезды **угасающей**.
 In *this valley of dying stars*
 In *this hollow valley*
This broken jaw of our lost kingdoms [Ibidem]. /
 В долине **умирающих** звезд
 В **полой** долине
 В **сломанной** челюсти наших **утраченных** царств.

В этих строках функционирует как эпитетная структура *the dead land* (**мертвая** земля), так и ряд других синонимичных ей структур – *cactus land* (**кактусовая** земля), *This valley of dying stars* (долина **умирающих** звезд), *this hollow valley* (**полая** долина), которые детально описывают состояние земли, подчеркивая при этом ее основное качество – опустошенность/бесплодность. Это и кактусовая земля (**cactus land**), то есть земля, которая обладает признаками пустыни. Это и долина меркнувших звезд (*This valley of dying stars*), полая долина (*this hollow valley*), в которой угасают звезды и царит пустота. И вправду, «полые люди» могут жить лишь на земле, лишенной какого-либо признака жизни. Причина опустошенности и бездуховности человека заключалась прежде всего в разрушительной силе цивилизации, которая уничтожила культуру как основу духовности, природу как эстетический идеал, самого человека как проявление Божественной сущности. Такое настроение преобладало в поэме «Полые люди», подтверждением чего становятся и такие эпитетные структуры как *the stone images* (**каменные** идола), *The supplication of a dead man's hand* (мольба от **человеческих мертвых** рук), *the twinkle of a fading star* (мерцание звезды **угасающей**), *This broken jaw of our lost kingdoms* (**сломанная** челюсть наших **утраченных** царств).

Современный мир Т. С. Элиота,двигающийся в тупик через опустошенную землю и человека, который истощил самого себя, предстает в поэме «Полые люди» как *Death's Dream kingdom* (**Призрачное царство смерти**) [Ibidem, p. 83, 84], *Death's twilight kingdom* (**Царство сумрака и смерти**) [Ibidem, p. 85]. Такие эпитетные структуры, в качестве определяемого которых выступает эпитет **death's**, возвращают читателя к эпитетной структуре *the dead land* (**мертвая** земля), где все лишено смысла. Особое внимание обращается на аллитерацию звука [d] в вышеупомянутых примерах, которая служит не только объединению определения и определяемого, но и эпитетных структур между собой. Но главным остается то, что «полые люди» стремятся жить в *Death's other kingdom* (в **другом** царстве **смерти**) [Ibidem, p. 83, 84], в котором им будет лучше. Несмотря на то, что этот мир является другим (**other**), он не прекращает быть мертвым (**Death's**).

В поэтическом цикле «Ариэль» Т. С. Элиот продолжает изображать землю с определенной семантической окраской – *the dead land* (**мертвая** земля) [Ibidem, p. 105]. Речь идет о земле, лишенной животворящего начала. Т. Элиот вновь подталкивает читателя вернуться к первому применению этой эпитетной структуры, которое произошло еще в поэме «Бесплодная земля». Следовательно, «рождение выглядит как форма смерти, или смерть как форма рождения...» в стихотворениях «Ариэль» [12, p. 45].

В цикле поэм Т. С. Элиота «Четыре квартета» образ земли не остается без внимания. Х. Гарднер обозначает сущность философской проблематики цикла через символику первостихий: «Бернт Нортон» – поэма о воздухе, из которого рождаются колебания, неуловимые, но являющиеся средством коммуникации; «Ист Коукер» – поэма о земле, с которой все начинается, и куда все уходит; «Драй Селвейджес» – поэма о воде, которая является первичным строительным материалом мира; «Литл Гиддинг» – поэма об огне, который истребляет и очищает» [11, p. 44-45]. Стало быть, в поэтическом цикле «Четыре квартета», где заканчиваются многолетние философские поиски поэта, продолжает свое развитие тема смерти. Обратим внимание на такие поэтические строки цикла «Четыре квартета»:

The parched eviscerate soil
 Gapes at *the vanity of toil*,
 Laughs without mirth.
 This is *the death of earth* [10, p. 193]. /
Сожжена опустошенная почва
 Взирает на тщетность труда
 Смеется без веселья
 Это **смерть** земли.

Земля находится в состоянии смерти, что непосредственно акцентируется в эпитетной структуре *the death of earth* (*смерть земли*), которая является ключевой в этой строфе. Следует отметить, что и определение, и определяемое, объединенные при помощи *of-phrase*, выражены в этой структуре существительными *death/earth*. Такого рода эпитетные структуры привлекают к себе особое внимание, поскольку отличаются повышенной экспрессивностью. В то же время эпитет «*death*» сближается с определяемым *earth* за счет аллитерации ТН–ТН. Целостность звучания этой эпитетной структуры обеспечена. Безжизненность земли воплощается и в эпитетной структуре *The parched eviscerate soil* (*сожжена опустошенная почва*), в которой накопление эпитетов *parched eviscerate* приводит к конкретизации черт, характерных для этого образа, – высохшая, опустошенная земля.

Вместе с тем, эпитет «*death*» подчеркивает определяющие качества и других стихий – воздуха (*air*), воды (*water*), огня (*fire*). Подтверждением этому служат следующие поэтические строки Т. С. Элиота:

The death of hope and despair,
This is the *death of air* [Ibidem, p. 192]. /
Смерть надежды и отчаяния
Это *смерть воздуха*.

Water and fire shall rot
The marred foundations we forgot,
Of sanctuary and choir.
This is the *death of water and fire* [Ibidem, p. 193]. /
Вода и огонь разрушит
Испорченные принципы
Церкви и хора, которые мы забыли.
Это *смерть воды и огня*.

Эпитетные структуры *The death of hope and despair* (*смерть надежды и отчаяния*), *the death of air* (*смерть воздуха*), *the death of water and fire* (*смерть воды и огня*) возвращают читателя к ранее упомянутой структуре *the death of earth* (*смерть земли*), которая, в свою очередь, – к эпитетной структуре *the dead land* (*мертвая земля*), создавая при этом нескончаемое поле смысловых и художественных ассоциаций. Так, «смерть воздуха» (*the death of air*) отождествляется со «смертью надежды и отчаяния» (*The death of hope and despair*). Отметим, что Т. С. Элиот использует два семантически антонимичных понятия, таких как *hope and despair* (*надежда и отчаяние*), в одной эпитетной структуре для полного осмысления того, что старика (одного из персонажей поэмы «Литтл Гиллинг») не беспокоит ни прошлое, ни будущее. Если нет ни надежды, ни отчаяния, то и нет воздуха для жизни. Старик вступил на путь, который ведет к вечности. Далее речь идет о «смерти» воды и огня – символах творения и разрушения. Рядом с эпитетной структурой *the death of water and fire* (*смерть воды и огня*) Т. С. Элиот вводит также – *The marred foundations... Of sanctuary and choir* (*испорченные принципы... церкви и хора*), которая изображает уничтожение храма Божьего. Очевидно, что такая параллель предоставлена читателю лишь для того, чтоб показать связь между отрицанием материального мира и божественным. Таким образом, смерть пронзает все основные стихии, присущие миру. Отрицание всего сущего и господство божественного – вот таков верный путь к настоящей жизни в поэтическом мире Т. Элиота.

К тому же, мертвыми предстают не только стихии, но и другие элементы природы, которые можно рассмотреть в таких эпитетных структурах: *a dead geranium* [Ibidem, p. 24] (*мертвая герань*), *the dead tree* [Ibidem, p. 61] (*мертвое дерево*), *Dead mountain mouth of carious teeth* [Ibidem, p. 72] (*мертвых гор пасть с кариесом зубов*), *death's other river* [Ibidem, p. 134] (*другая река смерти*), *the dead leaves* [Ibidem, p. 171, 193] (*мертвые листья*), *dead sand* [Ibidem, p. 193] (*мертвый песок*), *the dead nettle* [Ibidem, p. 195] (*мертвая крапива*), *the still dead breath of the Arctic Current* [Ibidem, p. 160] (*спокойное мертвое дыхание Арктического течения*). Стоит отметить, что выделение признака «*dead*» (*мертвый*) в этих понятиях усиливает ощущение трагичности восприятия поэта. Такие эпитетные структуры являются отражением неприглядного, навевающего мысль о смерти, безжизненного пейзажа.

В свою очередь, повтор эпитета «*dead*» наблюдается и в эпитетных структурах, которые характеризуют человека, – *the dead men* [Ibidem, p. 65, 196] (*мертвые люди*), *a dead patrol* [Ibidem, p. 194] (*мертвый дозор*), *the dying nurse* [Ibidem, p. 181] (*умирающая няня*), *the gear of foreign dead men* [Ibidem, p. 184] (*упряжь иностранных мертвых людей*), *the sudden look of some dead master* [Ibidem, p. 193] (*внезапный взгляд какого-то мертвого хозяина*). Очевидно, речь идет не так о физическом, как о душевном состоянии человечества, которое ищет праведный путь. Вместе с тем, эпитет «*dead*» сочетается и с такими понятиями как *end* [Ibidem, p. 160] (*конец*), *a fortnight* [Ibidem, p. 71] (*две недели*), *secrets* [Ibidem, p. 179] (*секреты*), *sins* [Ibidem, p. 62] (*грехи*), *a sound* (*звук*) [Ibidem], которые усиливают ощущения темноты и бездейственности. Конечно же, в мире, где преобладает смерть, нет места для каких-либо деяний. Как видим, «повторы эпитетов семантически сближают разнородные понятия, возвращают к уже известному и создают предпосылки к возникновению новых семантических связей» [5, с. 240]. Так, повторы эпитета «*dead*» сблизили природу, человека и другие составляющие мира, объединяя их общим качеством. Ранее упомянутую эпитетную структуру *the dead land* (*мертвая земля*) можно считать ведущей в творчестве Т. С. Элиота.

Итак, тема смерти в поэтических произведениях Т. С. Элиота приобретает лейтмотивный характер. Тем временем, эпитеты «*dead*», «*death*» и «*dying*» служат средством раскрытия этой темы. Наблюдается многократное повторение этих эпитетов (в особенности эпитета «*dead*»), функционирование которых определяется

за счет принципа возвращения. Эпитеты «*dead*», «*death*» и «*dying*» не только «конкретизируют качество определенного понятия, но и помогают установить смысловые связи между теми понятиями, к которым эти эпитеты относятся» [Там же, с. 244]. Такие эпитеты становятся «сквозными» в текстовом пространстве Т. С. Элиота (По В. Москвину) [8, с. 32], придавая ему черты четко организованного системного единства. Безусловно, Т. С. Элиот развивает тему смерти на протяжении всего творчества, в котором конец земной жизни предусматривает начало вечной: **In my end is my beginning** [10, p. 183] («В моём конце – моё начало»). Таким образом, при помощи эпитетных возвращений происходит осмысление темы смерти, что, в свою очередь, приводит к расширению границ идейно-художественного смысла произведений поэта.

Список литературы

1. Аствацатуров А. А. Проблема смерти в поэтической системе Т. С. Элиота // Фигуры Танатоса: Искусство умирания: сб. статей / под ред. А. В. Демичева, М. С. Уварова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 34-50.
2. Бент М. М. Метафорическое воплощение темы смерти и бессмертия в сборнике «Стихотворения» Т. С. Элиота // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 13. С. 10-13.
3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 405 с.
4. Вовк В. Н. Языковая метафора в художественной речи: Природа вторичной номинации. К.: Наукова думка, 1986. 140 с.
5. Волковинский О. Поэтика эпитета: монография. Кам'янець-Подільський: ФОП Сисин О. В., 2011. 350 с.
6. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха: пособие для студентов. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.
7. Мортон А. Л. От Мэлори до Элиота. М.: Прогресс, 1970. 256 с.
8. Москвин В. П. Эпитет в художественной речи // Русская речь. 2001. № 4. С. 28-32.
9. Craig D. The Defeatism of the Waste Land // Eliot T. S. The Waste Land: a Casebook / ed. by C. B. Cox and A. P. Hinchliffe. Tiptree, Essex: Macmillan, 1972. P. 200-215.
10. Eliot T. S. The Complete Poems and Plays. L.: Faber and Faber, 2004. 608 p.
11. Gardner H. The Art of T. S. Eliot. London – Boston: Faber and Faber, 1991. 185 p.
12. Glass M. S. T. S. Eliot: Christian Poetry Through Liturgical Allusion // The Twenties: Poetry and Prose. Deland, 1966. P. 42-45.
13. Kenner H. The Urban Apocalypse // Eliot in His Time. Essays on the Occasion of the Fiftieth Anniversary of The Waste Land. Princeton. N.J., 1972. P. 23-49.

THE FUNCTIONALITY OF THE EPITHET RETURNS IN T. S. ELIOT'S POETIC TEXTS

Livitskaya Oksana Viktorovna

*Kamianets-Podilsky Ivan Ohienko National University, Ukraine
Oksanasbox@mail.ru*

The article deals with the epithet returns which are the necessary components in revealing the theme of death in T. S. Eliot's poetic works. The main attention is focused on the epithets «*dead*», «*death*», «*dying*», which do not only characterize certain notions, but also help to establish the semantic links between them due to the principle of return. As a result, the epithets repetitions expand the boundaries of the ideological-artistic sense of the works.

Key words and phrases: alliteration; epithet structure; epithet returns; poetry; T. Eliot.

УДК 82

Филологические науки

В статье рассматривается использование основных «готических» мотивов в прозе британской романистки Айрис Мердок (1919-1999 гг.). Среди них – мотив замкнутости и заключения, бегства и преследования, мотив измененного психического состояния (сны, видения, безумие), мотив тайны. Анализ романов «Единорог», «Бегство от волшебника», «Дитя слова» и «Море, море» раскрывает новое философское, этическое и психологическое звучание традиционных мотивов «готической» прозы.

Ключевые слова и фразы: «готический» роман; мотив; лейтмотивное повествование; британская литература XX века; Айрис Мердок.

Локшина Юлия Владимировна

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Julia.lokshina@gmail.com*

**ГОТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В АНГЛИЙСКОМ РОМАНЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АЙРИС МЕРДОК) ©**

Британская романистка Айрис Мердок (1919-1999 гг.), чей творческий путь начался в 50-х годах XX века, использует в своем творчестве разные приемы «готического» романа XVIII века. Влияние «готической» школы можно обнаружить как на уровне хронотопа ряда ее романов, где место событий – отдаленный,